

Глава 2

Он надеялся, что эти слова принесут родным хоть каплю спокойствия. И действительно, на лице маленького Сяо Юаня промелькнула робкая улыбка, однако взрослые по-прежнему выглядели удручёнными.

— Младший брат, если тебя что-то гложет, не таи это в себе. Лекарь говорил, что от тяжёлых дум на сердце болезни только множатся, — заговорил старший брат Чу.

Этот простодушный и честный человек рано лишился отца, и все заботы о большой семье легли на его плечи, отчего он выглядел гораздо старше своих лет. Чу Цы замер, внезапно осознав: прежний владелец тела после перенесённых побоев бессчётное количество раз повторял, что с ним всё в порядке. Очевидно, простые заверения больше не могли их утешить.

— Я говорю правду. К тому же я очень проголодался... найдётся ли в доме какая-нибудь еда?

С тех пор как юношу принесли домой, он, помимо горьких отваров, не брал в рот ни капли воды, не говоря уже о пище. Именно это нежелание жить больше всего пугало его близких.

Услышав, что он просит есть, все в комнате облегчённо вздохнули. Раз проголодался — значит, пошёл на поправку; раз захотел есть — значит, смирился с ударом судьбы. В конце концов, против рока не пойдёшь, а жизнь продолжается.

— Есть, конечно есть! Я сейчас же велю жене зарезать курицу и сварить тебе наваристого бульона!

— Не стоит, брат. Сейчас мой желудок вряд ли примет тяжёлую пищу, — поспешно остановил его Чу Цы. — Обычной каши будет вполне достаточно.

— Хорошо, хорошо, я мигом! — радостно воскликнул мужчина и выскочил за дверь.

Матушка Чу проводила его взглядом, а затем повернулась к сыну:

— Твой брат и его жена — люди добрые. Ты должен поскорее набраться сил. Когда в будущем добьёшься успеха, не забудь поддержать их. Я уже стара, и после моего ухода вам, братьям, придётся во всём полагаться друг на друга. Сяо Эр, милый, не истязай себя больше...

Говоря это, она не выдержала и разрыдалась. Всё это время дом был окутан беспросветной печалью, и она, простая женщина, не знала, как помочь сыну. День за днём она видела, как искра жизни в глазах Сяо Эра угасает, но не смела даже плакать при нём, боясь накликать ещё большую беду.

Лишь теперь, заметив, что к нему возвращается воля к жизни, её сердце наконец успокоилось.

Юноша приподнялся и осторожно погладил её по спине. Он не знал, какими словами её утешить, но раз уж занял это тело, то твёрдо решил нести ответственность за эту семью.

***

Прошло три дня с момента его пробуждения.

Всё это время он прилежно пил лекарства и следовал советам лекаря. Труды не прошли даром: молодой человек заметно окреп, а смертельная бледность сменилась здоровым цветом лица. Почувствовав, что силы возвращаются, он решил впервые выйти из своей комнаты.

Даже по обстановке спальни можно было судить о скромном достатке семьи, но, переступив порог, Чу Цы осознал, что такое настоящая бедность.

Дом, сложенный из необожжённой глины, состоял всего из трёх жилых помещений. Одну комнату занимал он сам, другую — старший брат с женой, а в третьей ютились матушка и маленький племянник. Кухня представляла собой лишь ветхую деревянную пристройку во дворе. Сам же двор был огорожен хлипким забором из бамбуковых прутьев и сухих веток.

В центральной части дома располагалась главная комната. На стене висел пожелтевший от времени лубок, а под ним, на деревянной полке, покоилась поминальная табличка его отца. Рядом стояла старая курильница с отбитым краем, наполовину заполненная пеплом от сгоревших благовоний.

Посреди помещения стоял простой стол, на котором сиротливо примостилась тарелка с солёными овощами и четыре чашки с просяной кашницей. Похлёбка была настолько жидкой и прозрачной, что в ней без труда можно было разглядеть собственное отражение — зёрен проса в ней почти не было.

Вспомнив о густой рисовой каше, которую ему приносили все эти дни, Чу Цы ощутил укол совести. В древности статус учёного мужа был высок, и это неравенство проявлялось даже в том, что попадало на обеденный стол.

Выйдя во двор, он заметил племянника. Тот, забавно выпятив зад, что-то увлечённо искал в плетёной корзине, служившей курятником.

— Сяо Юань, чем это ты занят? — окликнул его Чу Цы.

— Дядя! — мальчик обернулся. — Я ищу яйца, но всё впустую. Куры уже несколько дней не несутся.

Он надул губы, всем своим видом выказывая разочарование.

— А где бабушка и твои родители?

— Погода наладилась, так они побежали на поле кукурузу спасать.

Он понимающе кивнул. С тех пор как молодой человек пришёл в себя, почти каждый день лил дождь, и только сегодня выглянуло солнце. Для крестьян погода — это вопрос жизни и смерти, так что медлить было нельзя.

— Кто же тогда готовил обед?

— Как кто? Я! — Сяо Юань удивлённо хлопнул глазами. — Я ещё в прошлом году готовить научился, неужели ты забыл?

Чу Цы на мгновение лишился дара речи. Как он мог объяснить ребёнку, что на самом деле понятия не имел о его кулинарных талантах?

Прежний владелец тела был типичным книжником. В детстве он ещё проявлял некоторую живость характера, но после нескольких лет обучения совсем замкнулся в себе, следуя правилу: «Не слышать того, что за окном, а лишь читать священные книги». Всё, что не касалось канонов, он считал суетным и недостойным внимания. Стоит ли удивляться, что юноша не знал, чьими руками готовится его еда?

— Я слишком долго проболел, вот память и начала меня подводить, — мягко улыбнулся он и, подтянув низкую скамейку, присел. — Подойди-ка сюда. Давай я проверю твою сообразительность. Знаешь ли ты, чем твой дядя занимается каждый день?

Память прежнего Чу Цы сохранила лишь образы книг; всё остальное было скрыто в тумане.

— Книги читаешь.

— И всё? Только читаешь?

— Ну да. Все говорят, что если ты будешь много читать, то когда-нибудь станешь важным господином.

Сяо Юань на секунду замялся, а затем простодушно спросил:

— Дядя, а почему ты до сих пор не стал чиновником?

Молодой человек промолчал. Будь на его месте прежний владелец тела, он бы, верно, захлебнулся от негодования. Быть замешанным в деле о мошенничестве на экзаменах — это клеймо на всю жизнь. Даже если твоя невиновность доказана, в глазах сановников ты остаёшься человеком, который неразборчив в связях. Путь к вершинам власти практически отрезан. Даже если удастся сдать экзамен на цзюйжэня, выше этой ступени подняться вряд ли получится.

— В семье всегда едят такую кашу? — он указал на чашки в доме, переводя тему.

— Днём и вечером мы едим густую кашу. Дядя, ты голоден? Я сейчас принесу твой обед.

Не дожидаясь ответа, мальчик юркнул на кухню и вскоре вынес чашку белой рисовой каши и тарелку с жареными яйцами. Он поставил угощение на большой плоский камень во дворе, быстро притащил высокий табурет, переставил еду на него и протянул Чу Цы чистые палочки.

— Ешь скорее, пока горячее!

Юноша наблюдал за тем, как этот маленький труженик носится туда-сюда, словно пчелка. В его глазах не было ни капли зависти или обиды на такую несправедливость. Казалось, самый младший член семьи давно привык к тому, что лучшее в доме принадлежит не ему.

— Сяо Юань, а ты не хочешь поесть того же, что и я?

Мальчик покачал головой:

— Тебе нужно хорошо питаться, чтобы силы вернулись, ведь ты много учишься. А я не жадный.

Он говорил искренне, но при этом старательно отводил взгляд от табурета, словно боялся, что если посмотрит на угощение слишком долго, то уже не сможет заставить себя отвернуться.

«До чего же рассудительный ребенок!»

Чу Цы вздохнул. По сравнению с этим дитя прежний владелец тела казался непростительно эгоистичным. Вся эта нужда в доме была вызвана его обучением, а он, столкнувшись с первой же неудачей, решил просто умереть, даже не подумав о том, как отплатить семье за их жертвы.

Он встал, вошёл в дом, взял одну из чашек с жидкой просяной кашицей и слил лишнюю воду. Затем он переложил туда добрую половину своего белого риса, перемешал и протянул племяннику.

— Будем есть вместе.

Он также отделил половину жареных яиц, приправленных лишь солью. Эти яйца, скорее всего, матушка купила у соседей, ведь их собственные куры давно не неслись, а его кормили ими ежедневно.

Сяо Юань шумно сглотнул слюну.

— Дядя, лучше ты сам...

— Ты что, уже и дядю не слушаешься? — Чу Цы напустил на себя строгий вид.

Он уже видел своё отражение в чане с водой: внешне он ничем не отличался от прежнего владельца тела. А когда тот хмурился, даже нерадивые ученики в деревне затихали от страха, так что и ребёнок должен был проникнуться.

— Слушаюсь! — мальчик часто закивал и, схватив чашку, принялся уплетать еду за обе щеки, боясь, что если замешкается, его сочтут непослушным.

Только когда племянник начал есть, он сам медленно поднёс чашку к губам.

<http://bllate.org/book/15354/1412314>